

Н. А. КАТАГОЩИНА

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1

Ранний период существования французского письменного языка, т. е. период XI — XII вв., представляет особый интерес для изучения проблемы формирования общепровансальского письменно-литературного языка. Спорен вопрос о том, с какого времени следует говорить о начале развития французского письменно-литературного (= общелитературного) языка и какова была его первичная диалектная основа.

Можно вполне согласиться с Луи Ремаклем, что и сейчас сохраняют силу слова известного романиста Германа Сюшье, сказанные им в конце XIX в.: «До сих пор нам столь же мало удалось добиться полной ясности в вопросе образования французского письменного литературного языка, как и в вопросе происхождения провансальского»¹.

Довольно широко распространено мнение о том, что процесс формирования французского письменно-литературного языка начался не ранее XIII в., когда Иль-де-Франс становится центром территориального и политического объединения Франции. На этой точке зрения стоят Ф. Брюно, Ш. Брюно, Г. Гребер, В. Мейер-Любке, К. Фореч и многие другие, а из отечественных ученых — А. Смирнов. Она преобладает и в учебниках по истории французского языка (см. учебники М. Поп, А. Эверта и др.).

Однако те же авторы не отрицают, что и в XII в. были поэты и писатели, у которых заметна тенденция отрешиться от своего родного диалекта и писать на «общем» языке, равнявшемся на франсийский, и называют таких старофранцузских авторов, как Кретгон из Труа (Ф. Брюно, В. Мейер-Любке) или Готье Арасский (К. Фореч)².

Существует и другая точка зрения, представленная в работах Германа и Вальтера Сюшье, Г. Ванор, К. Фосслера и некоторых других³.

¹ См. L. Remacle, *Le problème de l'ancien wallon*, Liège, 1948, стр. 141 (цит. по кн.: H. Suchier, *Die französische und provenzalische Sprache und ihre Mundarten*, «Grundriß der romanischen Philologie», Bd. I, Strassburg, 1888, стр. 573).

² См.: [F. Brunot], *Histoire de la langue et de la littérature française*, publ. sous la direct. de L. Petit de Julleville, t. II, Paris, 1896, стр. 458, ср. также стр. 460; W. Meyer-Lübke, *Historische Grammatik der Französischen Sprache*, Heidelberg, 1908, стр. 8; C. Voretzsch, *Einführung in das Studium der altfranzösischen Sprache*, Halle a. S., 1911, стр. 2.

³ См.: G. Millardet, *Linguistique et dialectologie romanes*, Montpellier—Paris, 1923, стр. 14; E. Faral, *Le français langue littéraire; unité de la littérature française*, в кн. «Histoire de la littérature française illustrée», publ. sous la direct. de J. Bédier et P. Hazard, t. I, Paris 1923, стр. 2.

Эти авторы признают наличие французского письменно-литературного языка с начала XII в., т. е. с более раннего периода.

В своей недавней книге по истории французского языка М. Коэн также говорит о том, что в XI — XII вв. «уже заложено единство старофранцузского литературного языка»¹; Наличие диалектной дифференциации в языке феодальной Франции этого периода не рассматривается ими как бесспорное свидетельство принадлежности старофранцузских текстов этого времени отдельным диалектам.

Однако исследователи, относящие становление французского письменно-литературного языка к XI — XII вв., определяют его диалектную основу так же, как авторы, относящие формирование литературного языка к более позднему периоду — XIII в., т. е. считают этой диалектной основой франсийский диалект.

Между тем, если предположение о ведущей роли франсийского диалекта в процессе формирования литературного языка в XIII в. представляется вполне возможным и оправдывается исторически, то этого никак нельзя сказать об XI — XII вв. Нельзя считать доказанным довольно распространенное мнение о том, что первичной диалектной основой французского письменно-литературного языка был франсийский диалект (диалект Парижа). Вполне можно согласиться с М. Дельбуйем, когда он пишет: «Не только правдоподобно, но и очевидно, что с определенного времени тот или иной диалект влиял на соседние области даже в письменном языке и что с этой точки зрения франсийский диалект по своему положению имел особые преимущества. Но, по моему мнению, было бы заблуждением предполагать исконное, неизбежное абсолютное первенство диалекта Иль-де-Франс в письменной или устной его форме»². Признание франсийского диалекта основой французского письменно-литературного языка в XI — XII вв. наталкивается на ряд трудностей, так как такого рода утверждение трудно обосновать как лингвистически, так и исторически, что и побуждает автора данной статьи высказать некоторые соображения и предположения по этому поводу.

Памятники XI — XII вв., которые считаются написанными на формирующемся литературном языке, обнаруживают в области фонетики и морфологии некоторые черты, не свойственные франсийскому. В области произношения это: 1) разграничение *an* и *en* в ассонансах и рифмах; 2) изменение *o* в открытом слоге в *u*, а не в *o*; 3) изменение *e* в открытом слоге в *ei*, без дальнейшего преобразования его в *oi*. В области морфологии — употребление *Imparfait Indicatif* на *-ie* для всех спряжений, включая и первое. Кроме того, далеко не для всех памятников этого периода можно доказать развитие $c^{+a} > t\dot{s}$ и $c^{+e,i} > ts$.

Г. Сюшье, признающий существование французского письменно-литературного языка с начала XII в., различает в его развитии два периода: ранний — «норманнский»³, когда больше выступают нормандские черты, и второй — французский. Нефрансийские особенности он объясняет нормандской окрашенностью литературного языка раннего периода.

¹ M. Coen, *Histoire d'une langue: le français*, Paris, 1950, стр. 82.

² M. Delbouille, *Y a-t-il une littérature wallonne au moyen âge? C. r. du Congrès de lingu., de litt., d'art et de folk. wallons*, Liège, 1939, стр. 103 (цит. по указ. книге Л. Ремакля).

³ Под термином «норманнский» Г. Сюшье понимает французский письменно-литературный язык, представленный главным образом нормандскими авторами, писавшими в Нормандии или в Англии. Его, по мнению Г. Сюшье, нельзя отождествлять с нормандским диалектом, хотя в нем и отражены некоторые черты этого последнего. Отсюда у Г. Сюшье наличие двух терминов: «норманнский» и «нормандский».

От этого объяснения отказывается Г. Вакер. По ее мнению, литературный язык «норманнского», т. е. раннего периода, был тождествен франкскому, и это тождество обуславливалось совпадением основных диалектных особенностей нормандского и франсийского диалектов в ранний период их существования. Черты же, отличающие франсийский от нормандского, представляют собой хронологически более позднее явление¹.

Несколько иначе объясняет допущение франсийской диалектной основы французского письменно-литературного языка раннего периода В. Сюшье. Литературный язык «норманнского» (по терминологии Г. Сюшье) периода не представлял собой, по его мнению, какого-либо отдельного нормандского говора, а являлся «общим» языком (Gemeinsprache), стоявшим над нормандскими говорами. Он считает, что следует говорить не о совпадении производительных норм нормандского и франсийского диалектов на раннем этапе их развития (как это делает Г. Вакер), а о том, что авторы, писавшие в Нормандии и в Англии в XI — XII вв., использовали в качестве общеписьменного, общелитературного языка франсийский диалект. Предпочтение, оказанное франсийскому диалекту, он объясняет политическим авторитетом Иль-де-Франса, а также тем, что франсийский диалект был более однороден, чем сильно расхоdivшиеся между собой по производительным нормам нормандские говоры, а следовательно, франсийский диалект практически был более «удобен» для использования его в качестве письменно-литературного языка².

Менее категоричен К. Фосслер. Он признает ведущую роль франсийского диалекта, но не считает, что этот диалект определял собой все развитие французского письменно-литературного языка. По его мнению, язык произведений старофранцузского периода представлял собой известного рода литературную койне, в формировании которой приняли участие различные старофранцузские диалекты. Процесс складывания французского письменно-литературного языка он мыслит как соревнование различных старофранцузских диалектов (нормандского, пикардского, валлонского, лотарингского, шампанского), в результате которого в конечном счете победил франсийский. При этом, по мнению Фосслера, франсийский явился как бы связующим звеном между этими диалектами, а не основным элементом литературного языка³.

Предположения о том, что франсийский диалект был диалектной основой формировавшегося литературного языка в XI — XII вв., строятся на довольно зыбкой почве и с точки зрения собственно исторических предпосылок, так как в этот период Иль-де-Франс (королевский домен) не играл еще той доминирующей роли, которую он начал играть с XIII в., с момента ослабления герцогства Нормандского. Между тем с начала XII в. на западе Франции начинает формироваться одно из наиболее крупных и могущественных феодальных объединений этого периода — королевство англо-норманно-анжуйское. Оно выросло на основе герцогства Нормандского, значительно расширившего свои владения после завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 г. С приходом к власти Генриха II Плантагенета это королевство занимало около двух третей всей терри-

¹ «Die normannische Schriftsprache die wir seit Anfang des XII. Jahrhunderts in der französischen Literatur verwendet haben, ist aus der altfranzösischen Mundart erwachsen. Sie weicht von dieser Mundart nicht ab. Die Merkmale, die Suchier als Unterschiede des Normannischen vom Französischen auffasst, trennen das Altfranzösische vom Neufranzösischen» (G. Wacker, Über das Verhältnis von Dialekt und Schriftsprache im Altfranzösischen, Halle a. S., 1916, стр. 25).

² См. W. Suchier, Zwei altfranzösische Reimpredigten. Mit Benutzung der Ausgabe H. Suchiers, Halle a. S., 1949, стр. 16—17.

³ См. K. Vossler, Frankreichs Kultur und Sprache, Heidelberg, 1929, стр. 7.

тория Франции. Ему принадлежал весь берег Ламанша, все побережье Атлантического океана; помимо Англии, оно объединяло Нормандию, Анжу, Мен, Бретань, Аквитанию и Гасконь. Ко второй половине XII в. (т. е. в царствование Генриха II) в этом королевстве уже имелся более или менее централизованный государственно-административный аппарат, который королями Франции был создан гораздо позднее (в XIV в.).

Существование такого сильного феодального владения, как королевство англо-норманно-анжуйское, является одновременно и предпосылкой для формирования и укрепления письменно-литературного языка в этот период не в Иль-де-Франсе, а скорее именно на западе Франции.

Франсийский диалект не имел и литературной традиции. Нет ни одного произведения, относящегося к этому периоду, о котором можно было бы с достоверностью сказать, что оно возникло на территории Иль-де-Франса. Города Иль-де-Франса не играли сколько-нибудь заметной роли в литературной жизни страны. Как известно, Париж стал постоянной королевской резиденцией только с приходом к власти Капетингов. До этого времени место королевской резиденции все время менялось: ее переносили то в Париж, то в Орлеан, Суассон, Нуайон, Аахен, Компьень, Лав.

В XII в. литературными центрами были двор Элеоноры Аквитанской (жены Генриха Плантагенета), часто перемещавшийся по всей обширной территории королевства англо-норманно-анжуйского, двор ее дочери Аэлис в Блуа и двор ее второй дочери Марии Шампанской в Труа.

Все наиболее древние списки рукописей, т. е. датируемые XII в., написаны в Англии или Нормандии, но не в Иль-де-Франсе. Самые ранние рукописи, написанные в Иль-де-Франсе, датируются главным образом серединой XIII в.

Диалектные особенности франсийского на раннем этапе его существования нам совсем неизвестны; все соображения по этому вопросу могут относиться лишь к области предположений. Именно поэтому К. Фосслер смог дать франсийскому диалекту XI — XII вв. только негативную характеристику: «не нормандский, не пикардский, не шампанский и не какой-либо другой диалект»¹.

Естественно, что при таком положении вещей у В. Сюшье нет реальных оснований говорить о большем «удобстве» франсийского, чем нормандского, как основы литературного языка. Точно так же нет оснований и ссылаться на наличие в XI — XII вв. политических и экономических факторов, способствовавших использованию франсийского в качестве литературного языка в Нормандии. Такой видный историк французского языка, как Ф. Брюно, считал, что в ранне-старофранцузский период нормандский диалект находился в не менее благоприятных условиях, чем франсийский, для того чтобы играть роль общепользуемого литературного языка².

При решении вопроса о диалектной основе французского литературного языка нельзя основываться на данных изучения только двух диалектов (нормандского и франсийского). Приблизиться к правильному его разре-

¹ «Ich habe in meinem Buche über Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung... darauf hingewiesen, dass man das Französische des 11. und 12. Jahrhunderts lediglich negativ bestimmen kann als eine nicht-normandische, nicht-pikardische, nicht-champagnische und so weiter Mundart...» (K. Vossler, ред. на кн.: G. Wacker, Ueber das Verhältnis von Dialekt und Schriftsprache im Altfranzösischen..., «Literaturblatt für germ. und rom. Philologie», Jg. XXXVIII, № 1—2, 1917, стр. 110).

² «...Hugues Capet est le premier roi qui ait sûrement ignoré le francique et parlé exclusivement roman. Dès lors la cour eût-elle résidé à Paris, qu'il n'y aurait eu encore jusque-là que peu d'avantage pour le francien à être la langue du pays où s'établissait la Cour. Le parler normand qui était celui des conquérants de l'Angleterre, complètement romanisés, était dans d'aussi bonnes conditions» (разрядка моя.— Н. К.) (F. Brunot, Histoire de la langue française, t. I, Paris, 1933, стр. 326).

шлемо возможно лишь при условии выяснения характерных особенностей и взаимосвязей всех старофранцузских диалектов данного периода. Сравнительный анализ старофранцузских диалектов XI и XII вв.¹ (по-скольку они могут быть доступны для изучения) дает основания предположить существование в этот период двух основных диалектных групп, которые можно назвать западной и северо-восточной. Западная объединяла нормандский, северо-западные, юго-западные и франсийский диалекты. Все те черты, которые принято считать франсийскими, являются характерными для западной группы диалектов, взятой в целом². Связи франсийского с западом еще давно отмечались выдающимся французским романистом Г. Парисом. Из часто цитируемых высказываний отдельных авторов конца XII и начала XIII в. (Conon de Béthune, Bertran de Bar sur Aube, Aimon de Varenne и Adenet le Roi) о том, что они стремятся писать «по-французски», употреблять диалект Парижа, вовсе не следует, что франсийский не примыкал ни к какой диалектной группе и занимал какое-то особое место среди всех других старофранцузских диалектов по своим особенностям в области фонетики и морфологии. Эти высказывания свидетельствуют только о том, что область Иль-де-Франса с ее диалектом постепенно становится центром языкового объединения.

Восточная группа включала валлонский, лотарингский и бургундский диалекты. Пикардский диалект занимал промежуточное положение, сочетая в себе западные и восточные черты. Более своеобразным было положение шампанского диалекта. Недостаточность языковых свидетельств не дает возможности определить весь комплекс специфически шампанских черт; создается впечатление, что различные части территории Шампани отражают черты соседних диалектов.

Расхождения между старофранцузскими диалектами обнаруживались главным образом в области фонетики (своеобразие развития одних и тех же латинских звуков). Слабее были различия в области морфологии: они заключались в том или ином использовании вариантов общих форм.

Ряд явлений мог при этом совпадать даже в наиболее отличных друга от друга диалектах; таким образом, различия между старофранцузскими диалектами XI—XII вв. не носили характера глубоких расхождений в основных звеньях строя языка, — скорее это были лишь известные видоизменения одного общего целого (народной латыни Галлии).

2

Разногласия по вопросу о времени возникновения французского письменно-литературного (= общелитературного) языка в значительной мере обусловлены тем, что различные авторы вкладывают различное содержание в само понятие «литературный язык», нередко распространяя на письменно-литературный язык донационального периода признаки, свойственные ему в национальный период. Подобная постановка вопроса связана с игнорированием того, что литературный язык — прежде всего историческая категория, признаки которой не могут быть одинаковыми на всем протяжении развития, так как появление или исчезновение этих признаков зависит от исторических условий, в которых развивается литературный язык.

¹ См. Н. А. Катагощина, О соотношении литературного языка и диалектов в старофранцузский период (до XIII в.). Автореф. докт. дисс., М., 1955.

² См. Н. А. Катагощина, Франсийский диалект и его место среди других старофранцузских диалектов, «Ученые записки [1-го Моск. гос. ун-та иностр. языков]», т. VII, 1955.

Если искать во французском письменном языке XI—XII вв. признаки французского национального литературного языка, то оказывается, что некоторые из них отсутствуют совсем, а некоторые только начинают появляться. Как известно, в XI—XII вв. сфера распространения французского письменного языка была ограничена произведениями светской литературы (народный эпос и куртуазная литература) и литературы религиозно-поучительной (жития святых, псалтыри, календари, переводы из священного писания и т. п.). В деловые документы и судопроизводство французский письменный язык начинает проникать в основном с начала или середины XIII в., сосуществуя в этой сфере с латинским как основным языком официальных документов. С момента возникновения Франции как феодального государства функции государственного языка, языка школы, науки и т. д. выполняет латинский язык. Официальное признание как язык государственный французский получает только в XVI в. (Ордоананс Виллер-Котре).

В феодальной Франции XI—XII вв. французский письменный язык не обнаруживает фиксированных устойчивых языковых норм, единых для всей территории Франции, т. е. не имеет одного из характерных признаков национального письменно-литературного языка. Подобное положение отчасти связано с тем, что диалекты, которые были в это время живым развивающимся явлением, еще не играют подчиненной роли и не подвергаются нивелировке; письменно-литературный язык развивается и укрепляется на их основе.

Но вместе с тем нет достаточных оснований утверждать, что в XI—XII вв. язык произведений, написанных по-французски, представлял собой письменное отображение каких-либо отдельных диалектов со всеми их отличительными чертами. Дело обстоит гораздо сложнее. Письменные памятники XI—XII вв. обнаруживают определенные диалектные особенности преимущественно в области фонетики и лишь частично в области морфологии. При этом оказывается возможным лишь в самом общем виде приурочить эти особенности к разным диалектным группам того времени. Так, одни произносительные и морфологические особенности представлены в старофранцузских текстах, возникших на северо-востоке, например, в «Диалоге души и разума» (*Dialogus anime*), Лотарингской псалтыри (*Psautier lorrain*), проповедях Бернара Клервосского (*Li sermon st. Bernart*); другие, несколько отличные от первых, черты отражены в текстах, написанных на западе Франции. Таковы «Проповеди в стихах» (*Reimpredigten*), «Календарь» и «Юстиарий» Филиппа из Тана (*Comput, Bestiaire — Philippe de Thauon*), «Четыре книги царств» (*Quatre livre des reis*), произведения Уаса и др. При этом среди указанных памятников весьма мало таких, которые действительно можно считать написанными на каком-либо одном диалекте (или его говоре), т. е. таких, как «Диалог души и разума» или Лотарингская псалтырь (явно лотарингские), Окассен и Николетта (пикардский) (последний только при том условии, если вместе с Г. Парисом относить этот текст к XII в.).

Наряду с этим существует несколько памятников XI—XII вв., которые большинством исследователей и издателей рассматриваются как «общезападнофранцузские», отражающие языковые нормы, нашедшие свое дальнейшее развитие в национальном общезападнофранцузском письменном языке. При этом для многих исследователей термин «общезападнофранцузский» имеет то же значение, что и «франсийский», так как они рассматривают именно этот диалект в качестве первичной и исконной основы литературного языка. К памятникам этой категории относят Житие св. Алексия (*Vie de St. Alexis*) XI в., «Песнь о Роланде» (*Chanson de Roland*) XI — начало XII в., «Паломничество Карла Великого» (*Pèlerinage de Charlemagne*)

XII в., Житие св. мученика Фомы, произведение Гарнье из Понт-Сент-Маманса (*Vie de St. Thomas le martyr, Guernes de Pont-Sainte-Maxence*)
XII в., басня, лэ, «Чистилище св. Патрика» — произведения Марии Французской (*fables, lais, Espurgatoire de st. Patrice — Marie de France*)
XII, может быть, начало XIII в.

Вольшие, иногда непреодолимые трудности представляет также установление диалектной принадлежности более ранних текстов. Известно, что диалектная принадлежность «Страсбургских клятв» (*Serments de Strasbourg*) еще не определена: Г. Люкинг считал их возникшими в Турени или Ангумуа, т. е. на западе Франции, Г. Парис настаивал на их северном происхождении, а Ж. Меландер говорит о том, что в основе языка этого памятника лежит французский диалект¹. Житие св. Евлалии (*Vie de st. Eulalie*) Люкинг относит к Пикардии, а Парис считает, что текст возник на границе Пикардии и Валлонии. В отношении Жития св. Леодегария (*Vie de st. Léger*) разногласия еще значительнее: Диц считал, что текст возник в Пуату (т. е. на юго-западе), а Дю-Мериль относил его к Нормандии (*Fécamp*), Люкинг рассматривал этот памятник как бургундский, Сюшье полагал, что он возник в Пикардии или Валлонии, Валькоф усматривал в нем явное наличие южных черт, Ле Ру де Ленси считал *Moralia super Job* (рук. 24764) бургундским памятником, Поль Мейер и Ферстер видели в нем отражение льежского говора (Валлония), а Бергер утверждал, что текст этот лотарингский. Г. Парис, за ним К. Фореч считали *Florimont* памятником французским, а А. Хилка и А. Ризоп — лотарингским.

Как отмечает в своем исследовании Г. Вакер, многие старофранцузские тексты относятся к пограничным диалектным районам (*Vie de st. Eulalie* — памятник, созданный в пикардско-валлонской области, *Comptement de Louis* — в области между Иль-де-Франс и Пикардией и др.). Даже в текстах, признаваемых большинством исследователей общезападными (или французскими), те же исследователи обнаруживают черты и других диалектов.

Нельзя отрицать, что в отдельных случаях локализация текстов может осложняться потому, что памятники, возникшие в одних областях, переносились уроженцами других областей, в результате чего могло получаться наложение одних диалектных черт на другие². Однако понятно, что определение диалекта переписчика может быть столь же затруднительным, как и определение диалекта автора оригинала. Неправильно было бы, кроме того, трудности локализации всегда относить на счет переписчика. «Очевидна... ошибочность метода, — пишет Ш. Брюно, — который состоит в том, что без всяких оснований предполагаются авторы и переписчики родом из различных провинций для того, чтобы объяснить смешение диалектных черт (впрочем, иногда воображаемое)»³.

Несмотря на то, что развитие французского письменного языка в XI — XII вв. представляет весьма сложную картину (с одной стороны, отсутствие признаков, присущих национальному письменно-литературному языку, с другой — ограниченное количество текстов, связанных с определенными диалектными группами), есть основания ставить вопрос о суще-

¹ В журн. «*Studia neophilologica*», 6, стр. 100: «...un aréolien du français qui constitue la base du français littéraire postérieur de l'Île-de-France» (цит. по указ. книге Романиля, стр. 164).

² См. В. Ш и ш м а р е в, Книга для чтения по истории французского языка, IX—XV вв., М.—Л., 1955, стр. 25, 27.

³ Ch. Brunet, Les parlers lorrains anciens et modernes, «*Revue de linguistique romane*», t. I, 1925, стр. 392.

ствовании французского письменно-литературного языка во Франции в XI—XII вв.

При анализе развития письменно-литературного языка в феодальном государстве нельзя исходить из всей той совокупности признаков, которые характерны для него в период существования национального государства. Исследователь должен сам установить те признаки, которые свойственны письменно-литературному языку в период его формирования в определенных исторических условиях.

В донациональный период в условиях существования феодального государства во Франции представляется вполне возможным говорить о наличии не просто письменного, а письменно-литературного (= общелитературного) языка, хотя бы этот последний и не обнаруживал ряда признаков, обязательных для национального письменно-литературного языка.

В том случае, когда язык народности представляет собой единство диалектных разновидностей, близких друг к другу в основных своих компонентах и различающихся главным образом в области фонетики (как это было во Франции XI—XII вв.), о формировании письменно-литературного языка можно говорить при следующих условиях:

1. Если в данном феодальном государстве имеется налицо письменный язык, который тесно и неразрывно связан с общенародным языком во всей совокупности его диалектных разновидностей (возник на его основе), а не является чужим, ненародным книжно-письменным языком.

2. Если он (письменный язык) не представляет собой простой письменной фиксации отдельных диалектов во всей совокупности их диалектных особенностей, а отражает языковые нормы целой диалектной группы. (В таком письменном языке могут явно доминировать отличительные особенности какого-либо определенного диалекта или же он может представлять собой некоторого рода койне, объединяющую языковые черты различных диалектов той или иной группы. В пограничных районах, где имеет место соприкосновение различных диалектных групп, может создаваться письменный язык, отражающий смешанные языковые нормы.)

3. Если при всех указанных условиях имеются и определенные исторические предпосылки: тенденция к централизации государства и, таким образом, к созданию территориального, политического и экономического единства страны, выделение определенной области в качестве центра этого политического, экономического и культурного объединения.

В условиях существования феодального государства самым главным и существенным признаком начала процесса формирования литературного языка является наличие в письменном языке (возникшем на народной основе) тенденции к созданию единых норм, сначала выходящих за пределы одного диалекта, а затем и за пределы группы диалектов. Эта тенденция может свидетельствовать о развитии литературного языка только в том случае, когда она поддерживается наличием определенных общественно-исторических предпосылок. Наличие этой тенденции наиболее явно обнаруживается при изучении так называемых общезападных текстов, наиболее ценных для разрешения поставленной нами задачи.

3

Анализ текстов XI—XII вв., признаваемых большинством исследователей «общезападными», определенно показывает, что все эти тексты обнаруживают целый комплекс сходных черт как в области фонетики, так и в области морфологии; при дальнейшем изучении черты эти оказываются в общем характерными для определенной, а именно для западной группы старофранцузских диалектов.

Такое развитие $-ata > iée$ (а не ie , типичное для северо-восточных диалектов и пикардского), непосредственно засвидетельствованное ассоциациями «Песни о Роланде» и рифмами Марии Французской. Подобное изменение совсем не отражено в Житии св. Алексия, «Паломничестве Карла Великого» и у Гарнье, потому что в этих текстах отсутствуют ассоциации на $ié \dots e$ (Паломн., Ал.)¹ и рифмы на $iée$ (Гарнье). Однако и в этих текстах есть косвенное свидетельство об изменении $-ata > iée$. Оно заключается в том, что в них в ассонансах на $i \dots e$ (Ал., Паломн.) и в рифмах на ie (очень многочисленных у Гарнье) нет ни одной формы на $-ata$.

Встречающиеся у Гарнье 9 форм (на 6180 стихов) на ie ($-ata$) нетипичны для этого автора [см. стрф. 554 (2767): *Mucie est la lumiere qui eclaire le mill;* стрф. 623 (3115): *qui a salu des anemes seit et traitie e prise;* стрф. 784 (3919): *E gingibre e girofle a puignies mangeit;* стрф. 789 (3943): *Az curgies tranchanz e batre e descirer,* см. эту же форму в строфах 791 (3955), 792 (3958), 1184 (5820); стрф. 938 (4690): *Tenez, lisez ces lettres k'enveies ius a* и др.].

Тексты отражают также тенденцию к развитию ai в ei и далее в e (Рол., Гарнье, М. Фр.). В Ал. есть только одна форма *lairmes* (написание *lerrnes*) в ассонансе на a (стрф. 117) и ни одной в ассонансах на e , но этот текст вообще не показателен, так как датируется серединой XI в., а развитие $ai > ei$ началось позднее. В Паломн. ассонансов на e нет совсем, единичные формы на ai встречаются лишь в трех небольших строфах на a и в единственной строфе на ai . Наличие в этой строфе формы *ad* не исключает предположения о развитии ei (ср. Рол., где ai одновременно представлено в строфах на a и на e).

О развитии $-aticu > adze$ во всех исследованных текстах можно сделать заключение главным образом по написаниям, так как данные ассонансов и рифм здесь недостаточны: в Ал. $-aticu$ ассонирует только на a , а ассонансов на ai нет совсем, следовательно, нет возможности сравнения. В Рол. слова на $-aticu$ встречаются в строфах, где одинаково представлены и формы на $-a$, и формы на $-ai$. У Гарнье и М. Фр. слова на $-aticu$ рифмуются только между собой. Однако исключительная последовательность в передаче $-aticu$ через *age* во всех текстах дает достаточное основание предположить наличие именно данного процесса.

Все тексты обнаруживают развитие $e > ei$ (ср. отсутствие ассонансов на ei лишь в Ал.). Отсутствие ассонансов на ei в Ал. не меняет общих выводов, так как в середине XI в. развитие $e > ei$ в ударном слоге было обычным для всех старофранцузских диалектов независимо от того, к какой диалектной группе они принадлежали. Преобразование $ei > oi$ в ударных слогах началось с XII в.² и отделило северо-восточные диалекты и пикардский от западных, противопоставив восточное развитие $e > oi$ западному $e > ei$.

¹ Названия текстов в дальнейшем даются сокращенно: Рол.—«Песнь о Роланде»; Ал.—Житие св. Алексия; Паломн.—«Паломничество Карла Великого»; Гарнье—Житие св. мученика Фомы, М. Фр.—Мария Французская. Темоты датируются по следующим изданиям: «Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der romanischen Philologie», veröffentlicht von E. Stengel, I—*La chanson de St. Alexis*, Lief. I, Marburg, 1881; «La Chanson de Roland», publ. d'après le manuscrit d'Oxford et traduit par Joseph Bédier, éd. définitive, Paris, 1944; «Karis des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel», hrgg. von E. Kuschwitz, 3-e Aufl., Leipzig, 1895; «La vie de St. Thomas le martyr par Guernos de Pont-Sainte-Maxence. Poème historique du XIIe siècle (1172—1174)», publ. par E. Walberg, Lund, 1922; «Poésies de Marie de France», publ. par B. de Roquesfort, t. I, Paris, 1832. При использовании 2-го издания К. Варнке (K. Warnke), сокращенно — (W); «Die Fabeln der Marie de France», hrgg. von K. Warnke, Halle, 1898, сокращенно — (W) F.

² См. R. Weigelt, *Französisches oi aus oi auf Grund lateinischer Urkunden des 12. Jahrhunderts*, «Zeitschrift für romanische Philologie», Bd. XI, Heft 1, 1887.

Развитие $\acute{o}$ в открытом слоге представлено одинаково во всех текстах, причем более поздние по времени возникновения тексты дают возможность раскрыть основную линию этого процесса. Если ассонансы Ал., Паломн., Рол. с одинаковым основанием дают возможность предположить три различные варианта в результате этого развития: $\acute{o}$, или $\acute{o}\acute{c}$, или $\acute{y}$ — то рифмы М. Фр. с очевидностью говорят о развитии $\acute{y}$ (или очень закрытого $\acute{o}$).

Дифтонг $\acute{ii}$ представлен как дифтонг, имевший тенденцию к преобразованию в восходящий. Если в более ранних текстах, т. е. в Ал., Паломн., Рол., он отражен в ассонансах как $\acute{ii}$, то в поздних — у Гарнье и М. Фр. — рифмы указывают на него как на дифтонг восходящий ($\acute{ii}$).

Для исследованных текстов характерна и такая западная черта (наблюдающаяся также в валлонском и пикардском диалектах), как отделение в ассонансах и рифмах $\tilde{a}n$ ($\langle a + \text{нос.} + \text{согл.} \rangle$) от $\tilde{e}n$ ($\langle e + \text{нос.} + \text{согл.} \rangle$). Некоторые отклонения, отмеченные для Рол. и Паломн., не нарушают впечатления о доминирующей в этих памятниках тенденции к разграничению $\tilde{a}n$ и $\tilde{e}n$.

Развитие $\acute{e} + j > i$ можно предположить в Паломн., Гарнье и М. Фр., где оно вполне очевидно. В Ал. развитие $\acute{e} + j$ совсем не представлено в ассонансах, несмотря на то, что в поэме имеются 13 строк на i (VII, XX, XXI, XXV, XXXVII, XLV, LXVII, LXXI, LXXIV, LXXXVIII, XCIII, CII, CXX). Встречающееся же в тексте лат. *lectus* дается как *lit*. Что касается Рол., то, несмотря на очень большое количество ассонансов на i , развитие $\acute{e} + j$ представлено только в двух словах: *sire* ($\langle *s\acute{e}njor \rangle$) и *engignent* (стрф. VII). Отсутствие развития $\acute{e} + j$ в многочисленных ассонансах на i могло быть не простой случайностью, а объясняться отсутствием соответствующей произносительной нормы.

Развитие $\acute{o} + j$ отражено как $\acute{ii}$ более или менее полно лишь в рифмах Гарнье и М. Фр. Совсем слабо оно представлено в Паломн.: в пяти строках на $\acute{ii}$ (IV, XI, XXX, XL, XLV) встречается только одна форма $\acute{ii}$ ($\langle \acute{o}je \rangle$). Совсем не отражен данный процесс в ассонансах Ал. и Рол., причем в тексте этих поэмов перемежаются формы на $\acute{o}i$ и на $\acute{ii}$. Таким образом, развитие $\acute{e} + j > i$ и $\acute{o} + j > \acute{ii}$ несомненно только для Гарнье и М. Фр.

Консонантизм общефранцузских памятников обнаруживает опять-таки характерные для западных диалектов черты.

Группа bl во всех исследованных памятниках (как в тексте, так и в рифмах и ассонансах) передается, как правило, через написание bl . Наличие таких написаний, как *tabeles = tables* (Паломн., стрф. LII), говорит в пользу сохранения b в указанной группе.

Группы $s'r$, $n'r$, $l'r$, $m'l$, $m'r$ последовательно передаются на письме в тексте, ассонансах и рифмах с переходными согласными t , d , b . Такая последовательность графического изображения, почти не знающая исключений, дает основание признать существование переходных согласных в этих группах также и в произношении.

Развитие l перед согласными — явление очень существенное при установлении диалектных черт старофранцузского языка — в известной мере поддается выяснению и после вокализации этого согласного, так как употребление буквы l продолжало сохраняться, хотя уже и для обозначения гласной $\acute{y}$. Процесс вокализации l более или менее определенно можно принять для Рол. [форма *cristaus* в рук. О (стрф. CXLVI), принадлежащая переписчику, а не редактору, и написания типа *levuld*], а также для М. Фр. (см. ее рифмы *reaus: beaus, Milun 214—215; cheaus: Beaus, Milun 645—646*). В отношении остальных текстов очевидно

только то, что в них *l* перед согласными систематически сохраняется. Сохранение же *l* (до и после вокализации) — черта, отличающая западные диалекты от северо-восточных, для которых типично довольно раннее выпадение *l* перед согласным.

Германское *w*, за редким исключением, передано на письме как *gu*, что предполагает соответствующее звучание. В рассматриваемых памятниках не находит своего выражения характерное для северо-восточных диалектов палатализующее влияние романской палатальной согласной на предшествующее *a*.

Наиболее сложным и до сих пор не разрешенным вопросом является вопрос о том, как представлено в исследованных памятниках развитие c^a и $c^{e,i}$ (а также *sj*, согл. + *sj*, согл. + *tj* и т. п.). Давало ли $c^a > t\check{s}$, а $c^{e,i} > ts$ или же $c^a > k$ и $c^{e,i} > t\check{s}$ (развитие, свойственное пикардскому и северонормандским говорам) остается неясным. Все исследованные памятники обнаруживают одинаковую систему передачи на письме результатов этого развития: c^a обозначается через *c* (*cambre, carn, capel* и т. п.), $c^{e,i} (< a)$ — через *ch* (*chevaler, chemise, chiet* и т. п.), а $c^{e,i}$ передается через *s* и лишь изредка через *sc*. Различие состоит лишь в том, что в более поздних памятниках (Гарнье, М. Фр.) обозначение c^a через *s* все чаще и чаще заменяется обозначением через *ch*.

Для выяснения происхождения с некоторую точку опоры может дать сравнение системы обозначения, употребляемой в исследованных памятниках, с системой обозначения, наблюдаемой в деловых документах и литературных текстах Пикардии, т. е. той области, для которой обычным является развитие $c^a > k$ и $c^{e,i} > t\check{s}$. Сравнение показывает, что система обозначения здесь иная: c^a обозначается здесь также через *s*, а $c^{e,i} (< a)$ передается при помощи *s, qu, k, c^{e,i} через *s*, чаще через *ch*. Такое обозначение отражает в известной мере различие в звучании c^a и $c^{e,i}$ и одинаковое происхождение *s* перед *a*, независимо от того, было ли это *a* преобразовано в *e, ie* или же сохранилось во французском без изменений.*

При этом орфография исследованных текстов не указывает на особое произношение $c^{e,i}$, поскольку для его передачи не используется знак *ch* (встречается лишь небольшое количество написаний типа *tenchons* в списке В у Гарнье). Наоборот, диграф *ch* используется для обозначения $c^{e,i} (< a)$ и постепенно распространяется на слова с c^a .

Такая система орфографии скорее предполагает развитие $c^a > t\check{s}$ и $c^{e,i} > ts$. Преобладание в списке L Ал. написаний типа *carn* и *carire* могло быть традиционным и отражать более позднее развитие аффрикаты $t\check{s}$ перед *a*, чем перед *e, ie (< a)*.

Что касается развития g^a , то наличие таких написаний, как *jalne, joie*, может свидетельствовать в пользу изменения $g^a > d\check{z}$.

Морфология исследованных текстов также с очевидностью обнаруживает черты, свойственные именно западным, а не северо-восточным диалектам.

Для артикля характерно различие в косвенном падеже единственного числа формы мужского рода (*le*) и женского (*la*). Только в списке L Ал. встречается четыре слова женского рода с артиклем *le*. Для всех текстов обычны слитные формы *del — des; al — as; el — es*.

В системе личных местоимений обычны формы на *-ei*: *mei, tei*; форма *je, je (ge)*, но не *jou* и не *gié*; обычными формами объектных местоимений являются *lui, li* и только один раз у Гарнье — *lei*; в мужском роде множественного числа обычна форма *els (eus)* и только один раз в тексте Паломн. встречается написание *eauls* и в списке В Гарнье — *eaus*.

Для системы безударных притяжательных местоимений характерны формы: *mis — mon, mi — mes; tis — ton, ti — tes; sis — son, si — ses*. Только в Рол. и у Гарнье выступают в мужском роде им. падеже единственного числа также и формы *mes, tes, ses* (наряду с *mis, tis, sis*), а в женском роде — *ma, ta, sa; mes, tes, ses*. В косвенном падеже мужского рода единственного числа наряду с *mon, ton, son* представлены в Ал., Паломн. и у Гарнье ослабленные формы *men, ten, sen*.

Для указательных местоимений обычна парадигма: мужской род, единственное число — *cil, celui, cel*, множественное число — *cil, cels*; женский род, единственное число — *cele*, множественное число — *celes*. Параллельные формы *cist, cestui, cest; cist, cez; ceste* и *cestes* (или *cez*). Только у Гарнье (список В) представлена в тексте форма *ceaus*.

Система глагольных окончаний также характерна для западных, а не северо-восточных диалектов. В 1-м лице множественного числа в качестве обычных выступают окончания *-on (un), -ons (uns)* как для *Présent Indicatif*, так и для *Futur*, причем для *Futur* более обычно отсутствие *s*. На письме эти окончания чаще всего обозначаются через *-um, -ums*. Во 2-м лице множественного числа обычные окончания *-ez (iez)*. Иногда встречающееся в *Présent Indicatif* окончание *-eiz* носит чисто графический характер. В *Futur* употреблялись и *-ez*, и *-eiz*, отраженные в рифмах и ассонансах.

Окончания *-ion, редко -ions* (на письме преимущественно *-ium, -iums*) обычны для 1-го лица множественного числа *Imparfait Indicatif* и *Conditionnel Présent*. Лишь в Рол. (список О) отмечена форма на *-iomes (avriumes)*.

Окончание *-iez* является обычным окончанием 2-го лица множественного числа этих же времен. Только в Ал. и Паломн. эти окончания отсутствуют как в ассонансах, так и в тексте.

Если принимать во внимание всю систему окончаний *Imparfait Indicatif*, то здесь представлено два ряда: 1) для глаголов первого спряжения *-o(u)e, -o(u)es, -o(u)t, -o(u)ent*; 2) для глаголов остальных спряжений — *-eie, -eies, -eit, -eient*. Однако параллельные ряды окончаний представлены не во всех текстах (окончания типа *-o(u)e* отсутствуют совсем в Ал. и Паломн., в Рол. представлены минимально и только в тексте).

Во всех текстах для *Futur* обычны лишь окончания *-ai, -as, -at, -ont (unt)*. Остается неясным образование этих форм от глагола *avoir* — имелось ли здесь *v* или *u*. В Ал. и Рол. представлены только формы типа *aurai*, кроме того, в Рол. есть еще и формы типа *au'rai*, которые Ж. Бедье (J. Bédier) дает как *aurai*, основываясь на том, что в Рол. совсем нет типа *averai* (изд. 1944 г., стр. 338). Что касается Паломн. и М.Фр. (список А. (= Н) и частично D, Y), то в них даны формы типа *averai*.

В текстах представлены те формы *Passé Simple*, восходящие к сильным латинским перфектам, которые обычны именно для западных диалектов.

Тип *ui*: Ал. — *ous XLVIII, out (passim), ourent III, V, XXXIX*; Паломн. — *oi 150, out (passim), oumes 665, o(u)rent 89*; Рол. — *oi CVI, out XCIII, CXIX, oumes CLXI, ourent CIX*; Гарнье — *oi (passim), ot (passim), o(u)rent, eurent (passim)*; М. Фр. — *oi (passim), ot (passim), eumes (W) F. XIX, 18 и др., eustes W (F) XVIII, 42, o(u)rent (passim)*. Ал. — *sout LX, sourent VI, XXI*; Рол. — *sout LXXX*; Гарнье — *soi стрф. 1158, sot 64,85; sout (passim), solt 291; sorent (passim)*; М. Фр. — *soi (W) F. III, 60; sot (passim), seumes (W) Biscavret 254 (список А — sumes); sorent (passim)*.

Тип *si*: Ал. — *dimes CXV*; Паломн. — *dis 718, dist (passim), desimes 666, desistes 675, deistes 646, distrent 632*; Гарнье — *desis 677,*

dist (passim), *distrent* (passim); М. Фр.— *dis* (W) F. XXXVII, 53; *deis* IX, 46; *dist* (passim), *distrent* XXXVI, 10.

Тип *i*: Ал.— *vint* III—X, *vindrent* XXIII; *vit* XL, *virent* XLVIII, *vi*, *vit* (passim), *veistes* 9,555, *virent* 262, 776; Пол.— *venis* CCVII, *vint* (passim), *venimes* XIV, *vindrent* VII (passim); *vi* CXL, *veimes* CXXXI; Гарнье — *vinc* 471, *ving* 449, *vindrent* (passim); *vit* (passim), *veimes* 777, *virent* (passim); М.Фр.— *vi* XIII, 16 (passim), *vit* (passim), *veimes* (R) Lanval 508, *veistes* XLV, 45.

Во всех текстах (кроме Ал.) представлены характерные для запада формы *Passé Simple*, восходящие к *dedi*-перфектам: Паломп.— *respondiet* 1, 12; в дипломат. издании *respondeit* (: *ie*); *benesquiet* (X, 177); Пол.— *respondiet* (: *ie*) CLXXVII, *perdiel* (: *ie*) CC; Гарнье — *suspendie* (: *ie*) стрф. 207, *respundie* (: *ie*) стрф. 855, *entendie* (: *ie*) 995.

Формы *Imparfait Subjonctif* образуются по типу *Passé Simple*: Ал.— *ouisse* 3-е лицо, XLVI; *souisse* 1-е лицо, XCVIII, *souissent* XCVIII; Паломп.— *ouist* 451, 689, *souissez* 689; Пол.— *ouisse* LIV, *ouist* LXXII, *ouissum* LXXXVII, *ouissent* LIV и др.

Так же, как и во всех западных диалектах, в текстах довольно обычны в *Présent Subjonctif* формы на *-ge*.

Общепанцузские тексты обнаруживают не отдельные, случайные особенности, свойственные западным диалектам, а их основные фонетические и морфологические черты.

Вместе с тем ни один из текстов нельзя признать принадлежащим какому-либо отдельному диалекту западной группы — нормандскому, франсийскому или одному из северо- или юго-западных диалектов. Ряд черт фонетического характера был присущ не только нормандскому, но и всем диалектам западной группы. Это следующие фонетические черты:

1) *-ata* > *iee*; 2) *ai* (< *a + j*) > *ei* с дальнейшей тенденцией к развитию в *e*; 3) *aticu* > *adže*; 4) *e* > *ei*; 5) *o* > *u* или очень закрытое *o*; 6) *üi* > *üi*; 7) разграничение *ān* и *ēn*; 8) сохранение группы *-bl-* без изменения *b* > *v*; 9) тенденция к развитию переходных *d*, *b*, *t* в группах *n'r*, *l'r*, *m'r*, *m'l*, *s'r*; 10) сохранение *l* перед согласным с последующей вокализацией; 11) преобразование германского *w* > *gʷ*; 12) отсутствие сильно выраженного палатализующего влияния романских палатальных на предшествующее *a*. (Остается лишь открытым вопрос, было ли свойственно и франсийскому диалекту в XI—XII вв. разграничение *ēn* и *ān*.)

Развитие *e + j* > *i*, отмеченное в ряде текстов, было характерно не только для восточной Нормандии (Верхней Нормандии), но и для юго-западных диалектов, в которых *e + j* > *i* (наряду с другими рефлексамми — *e*, *ei*, *ie*). Развитие *o + j* > *üi* — опять-таки не специфически восточно-нормандская черта: в тех же юго-западных диалектах наряду с *o + j* > *oi* было представлено *üi*.

И, наоборот, ряд черт, характерных для нормандского диалекта, в исследованных текстах не представлен. Как известно, во всей западной Нормандии сочетание *e + j* давало не *i*, а другие рефлексмы — *iē*, *ei*, *e*; *o + j* давало не *üi*, а *ieu* (*ie*, *eu*, *u*). В области консонантизма для всей северной Нормандии (включая и Верхнюю Нормандию) было характерно развитие *c^{ta}* > *k*, а не *tš* и *c^{ta}.i* > *tš*, а не *ts*; *g^{ta}* > *g*, а не *dž*. В текстах отсутствуют обычные для нормандского формы объектного местоимения 3-го лица женского рода *lie*, *lei*, а в системе указательных местоимений — форма *cestei*.

В итоге проведенного обзора можно прийти к выводу, что так называемые общепанцузские тексты представляют

определенный тип письменного языка, создавшийся на основе языковых особенностей всей западной группы старофранцузских диалектов в целом, в пределах которой наибольшую роль сыграл верхне-нормандский. Исторически, как уже отмечалось, для этого имелись все соответствующие предпосылки.

Наличие в этом письменном языке отдельных черт, не характерных для западной диалектной группы, как, например, объектной формы личного местоимения 1-го лица *mi* (в ассонансах на *-i* в Паломн.), отдельные формы на *ie* (< *ata*) в тексте Гарнье и в рифмах М. Фр., немногочисленные слова с *ch* (*tš*) вместо с (*ts*), типа *comenchai*, *enfanchunet* и др. у Гарнье, не обязательно должны рассматриваться как принадлежащие переписчику. Они могли принадлежать и автору того или иного произведения: в складывавшемся письменном языке, с далеко не установившимися нормами, были вполне возможны заимствования из соседних диалектов или диалектов тех областей, которые по тем или иным причинам были связаны с западом Франции. В этом случае они переставали быть диалектизмами.

Наличие определенного типа письменного языка, представленного в упомянутой группе памятников, указывает на то, что по отношению к XI—XII вв. можно уже говорить о начале формирования общепольского письменно-литературного языка, сферой применения которого были произведения светской и религиозно-дидактической литературы. Формирование общепольского литературного языка на основе западных диалектов находит свое объяснение в исторических условиях развития Франции в XI—XII вв.: именно на западе Франции сложилось самое крупное и централизованное феодальное объединение (так называемое королевство англо-норманно-аижуйское), которое в этот период успешно конкурировало с королевской властью в борьбе за политическую гегемонию.

Перенесение к началу XIII в. политического центра, а затем и центра языкового объединения в Иль-де-Франс не должно было повлечь и не повлекло за собой смены диалектной основы начавшего формироваться на западе общепольского письменного языка, так как французский диалект в основных своих особенностях примыкал к западной группе диалектов. В формировавшемся литературном языке появляются лишь некоторые северо-восточные производительные особенности, а именно *ei* > *oi*¹ и *o* > *ö* > *ô*. Что касается совпадения *el* и *äl* в одном звучании *äl*, то со второй половины XIII в. оно было но только северо-восточной, но в одинаковой мере и западной чертой. Нельзя считать доказанным, что *ei* > *oi* и *o* > *ö* > *ô* проникли в формировавшийся литературный язык из французского, они могли проникнуть в него через посредство французского и из соседних диалектов.

Позднее в формировании норм общепольского письменного языка значительную роль сыграли пикардский и северо-восточные диалекты, а может быть, в известной мере, и шампанский. Уточнению роли отдельных диалектов в этом процессе требует дальнейшего изучения.

¹ Об изменении *ei* > *oi* как восточной черте см. интересную статью А. Одриккура [A. G. Naudricourt, *Problèmes de phonologie diachronique* (français *ei* > *oi*), «Lingua», vol. I, 2, 1948].